

Е.В. КОРОЛЕВА

ОБРАЗЫ «БОЛЬШОЙ НАУКИ» И ПОДХОДЫ К ЭКОПОЛИТИКЕ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ РИСКА¹

Приблизительно с начала 1970-х годов западные социологи стали отмечать возрастающую обеспокоенность населения проблемами окружающей среды. Значительная часть опасений связывается с научными исследованиями и использованием их результатов на практике. Причины такого состояния дел и возможные пути преодоления сложившейся ситуации очень скоро оказались в центре внимания социологии риска, начавшей активно развиваться примерно в то же время.

В данной статье мы попытаемся проследить, как в западной социологии риска менялось видение проблемы страха перед наукой со стороны населения с 70-х годов XX века до наших дней. Для российских социологов изучение механизмов смены этих представлений имеет вполне практический интерес в плане обсуждения подходов к политическому решению экологических проблем. Под наукой (также «большой наукой») мы будем понимать естественные и точные дисциплины, подчеркивая тем самым, что гуманитарные науки в отношении этой проблемы занимают особое положение. Определение «большая» означает крупные капиталовложения, например, в форме государственного финансирования или поддержки со стороны бизнеса, а также обладание политическим, социальным и символическим капиталом, что обеспечивает высокий статус и значимость научных проектов. Классические примеры «большой науки» — ядерные исследования, генетика, некоторые отрасли медицины, химия. Говоря о населении, мы имеем в виду не население страны в целом, а лишь группу непрофессионалов, затронутых практическим применением научных достижений².

При всем разнообразии способов анализа рассматриваемой проблемы, любой из них укладывается в логику одного из трех базовых

Королева Елена Викторовна — аспирант Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: 8 916 974-10-25. Электронная почта: ekoroleva@land.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 04-03-00-499а).

² В западных исследованиях кроме понятия «население» (public) используются другие близкие понятия: «дилетанты» (lay-public), «непрофессионалы» (nonprofessionals), «местные жители» (locals) и т. д. Все они распространяются на людей, находящихся вне экспертных систем анализа и принятия решений.

подходов — директивного, посреднического или интерактивного. Принципиальное основание для выделения этих подходов — ценностное, а не рациональное, и связано оно с представлением об общественной роли социальной теории. Б. Адам и Ю. ван Лун предлагают различать три таких роли. (1) Социальная инженерия: в соответствии с функционалистским подходом, социальная теория должна участвовать в социальном конструировании порядка и контроля. (2) Осмысление: с точки зрения интерпретативных подходов, социальная теория должна проливать свет на то, как достигается социокультурное взаимопонимание. (3) Политическая мобилизация: с точки зрения марксизма, критической теории и феминизма, социальная теория должна создавать основу для критики и равноправного диалога [4, р. 9]. Директивный подход ориентирован на выполнение первой роли, посреднический тяготеет ко второй, интерактивный нацелен на воплощение в жизнь третьей. Поскольку роли имеют взаимоисключающий характер, подходы обычно не смешиваются, что, в частности, проявляется в характере цитирования (в рамках одного исследования, как правило, цитируются представители только одного подхода), что подтверждает нашу гипотезу об их обособленности.

По-видимому, попытки выявить и систематически описать различия между обозначенными подходами ранее либо не предпринимались, либо не получили известности в России. Некоторые идеи по этому поводу содержатся в статьях Дж. Бредберри [9] и А. Ирвина [16]. Для описания и сравнения названных подходов мы будем использовать следующие основания: роль социальных наук, отношение к естественным наукам, понимание риска, гносеологический подход, отношение к населению, обеспокоенному рисками, причина обеспокоенности рисками, предполагаемый подход к преодолению риска, соотношение сил между учеными и населением, основные направления критики.

Директивный подход

Как исследовательское и экополитическое направление директивный подход сложился на Западе в середине 70-х годов XX века. Необходимость воздействия на общественное мнение в отношении экологических проблем возникла в ответ на усиление политической активности местных сообществ, бойкотировавших проекты, связанные с наукоемкими технологиями. Тем не менее успехи естественных наук того времени были столь впечатляющими, а вера в возможности научного познания мира так безгранична, что страхи населения перед последствиями применения научного знания социальные науки объясняли исключительно недостатком информации о научном видении проблемы. Отсюда происходит другое название этого подхода — «дефицитный», то есть объясняющий страх и недоверие населения к некоторым направлениям «большой науки» дефицитом объективных

сведений о них. Задачи социальных наук в этом случае сводились к тому, чтобы выявить экологические проблемы, вызывавшие страх у населения, сравнить его оценки риска с научными оценками и при наличии расхождений снабдить население той научной информацией, которая позволила ученым прийти к «правильным» заключениям о «реальном» уровне риска. Таким образом, решение о наличии или отсутствии риска, а также его уровне полностью относилось к сфере компетенции ученых-естественников и безоговорочно разделялось социологами.

Гносеологическая позиция сторонников директивного подхода имела реалистический характер, так как предполагала возможность объективного измерения уровня риска независимо от социальных и культурных особенностей групп, для которых он определяется. Например, П. Словик, наиболее известный сторонник директивного подхода, во всех своих работах рассматривает оценки научных экспертов реалистически, как меру реального положения вещей в мире и эталон для сравнения с прочими оценками, в то время как суждения непрофессионалов считает субъективными, лишь в некоторой степени приближенными к реальности [24–26].

В рамках директивного подхода не предпринималось попыток выяснить, какие группы населения имеют тенденцию отклоняться от эталонных экспертных оценок в большей, а какие в меньшей степени. Население в этом смысле представляло для социолога недифференцированную по социальным признакам массу людей, противопоставлявшуюся экспертам, по словам А. Ирвина, «в крайне грубой и редуccionистской манере» [16, р. 171]. Ирвин полагает, что пренебрежение гетерогенностью населения «глубоко антисоциологично» [16, р. 170]. Это мнение разделяет Д. Лаптон, не включая исследования, проводимые в рамках директивного подхода, в социокультурное направление изучения риска. С ее точки зрения, они ближе к когнитивному, психометрическому направлению, объясняющему озабоченность проблемами экологического риска особенностями индивида, а не социальных групп или общественных институтов [19].

Согласно директивному подходу, основной причиной обеспокоенности населения экологическими проблемами было ложное восприятие, вызванное недостатком объективной научной информации и неадекватным освещением экологических проблем в СМИ. Например, П. Словик во множестве статей использует такие термины, как «воспринимаемый риск» (в отличие от «реального риска»), «неточное восприятие», «ошибочное мнение». Эта неявная установка возлагать ответственность за обеспокоенность людей экологическими проблемами на них же самих позже получила название «намеренное приписывание индивидуальной вины» (*individual blame bias*) [23]. Несмотря

на признание того, что оценки экспертов также подвержены искажениям, Словик чаще обращает внимание на «искаженное освещение в СМИ и искаженные суждения населения» [25], чем на проблему возможных заблуждений экспертов.

Соответственно, при планировании экологической политики в рамках директивного подхода оценки населения не принимались в расчет. Яркая иллюстрация этой установки содержится в одной из ранних статей Словика «Оценка риска». Он пишет о том, что люди реагируют не на реальные, а на воспринимаемые опасности. И «если это восприятие было ложным, усилия, направленные на экологическую защиту населения, будут направлены не туда, куда нужно» [26]. Предложения по оптимизации экополитики в основном касались налаживания коммуникации, служащей беспрепятственной доставке сообщений от научных учреждений к реципиентам по каналам СМИ. Целью этой политики было скорее убеждение, чем обмен информацией: основное внимание привлекалось к пассивному получателю сообщения, а не к контексту, в котором происходила коммуникация [9, p. 387]. Продуктом такой экологической политики должно было стать «вовлеченное, заинтересованное, разумное, думающее, ориентированное на решение, образованное население» [10, p. 2]. Иные пути вовлечения простых людей в принятие решений по экологическим проблемам, кроме их пребывания в роли пассивных реципиентов, «целевой аудитории» научных сообщений, не обсуждались. Эффективность коммуникации оценивалась как способность эксперта понятно объяснить проблему, то есть воспроизвести ее научное описание в доступной для целевой аудитории форме [9, p. 386-387].

Последующее отклонение социальной теории от директивного подхода было вызвано следующими причинами. Во-первых, односторонние модели коммуникации были признаны недемократичными, поскольку исключали из обсуждения группы людей, на которых непосредственно отразятся принятые учеными решения. При этом никак не принимался во внимание тот факт, что сами ученые далеки от единодушия по некоторым экологическим вопросам. Во-вторых, директивный подход был индифферентен по отношению к повседневным формам знания, сопровождающим восприятие экологических проблем. В рамках данного подхода непреднамеренный акцент делался на искажение восприятия и не придавалось значения тому, что население может обладать собственным, независимым и отличным от научного пониманием ситуации, а также средствами экспертизы [27, 28]. В-третьих, были опровергнуты некоторые базовые предпосылки дефицитной модели, в частности, предположение о линейной связи между владением научной информацией и обеспокоенностью проблемами риска. Например, Б. Джонсон, проанализировав несколько

десятков исследований, отметил, что они дают противоречивые результаты, касающиеся связи между научными фактами, которые известны индивидам, и уровнем их обеспокоенности состоянием окружающей среды [17]. Похожий вывод сделали А. Вилдавски и К. Дейк: «...знания и точность восприятия имеют минимальную связь с восприятием риска» [2, с. 273]. И, наконец, в рамках дефицитной модели знание, производимое социальными науками, трактовалось чисто инструментально: функция социальных наук сводилась к тому, чтобы обеспечивать общественную поддержку влиятельной и не принимающей внешней критики «большой науке» [9, р. 388-389].

В защиту директивного подхода можно сказать только то, что предшествующий ему подход к работе с населением обладал еще более серьезными недостатками. Например, К. Дейк пишет о таких политических мерах, как полный перерыв в передаче новостей в радиусе 50 миль от места больших аварий, запрет на участие населения в общественных слушаниях, касающихся лицензирования, или исключение из «Акта о свободе информации» пункта о создании контролирующей атомную промышленность независимых комиссий [11, р. 23].

Посреднический подход

Отправным пунктом нового подхода стала мысль о том, что восприятие риска опосредуется интересами, социальными обстоятельствами и принимаемыми на веру предположениями, что характерно как для экспертов, так и для непрофессионалов. Социальная теория должна объяснять различия в восприятии риска между различными общественными группами, способствуя тем самым лучшему пониманию между ними. Политика информационного воздействия, принятая в рамках директивного подхода, уступила место «парадигме переговоров» [9], то есть многосторонней коммуникации между представителями всех общественных групп, затронутых некоторой экологической проблемой — аналитиков, политиков, рядовых граждан и т. д.

Отношение к естественным наукам также переменялось: в значительной степени пошатнулось представление о безусловном, объективном и неизменном характере естественнонаучного знания. Как отмечают А. Плау и С. Кримски, «подобно социальному контексту сообществ, существует социальный контекст экспертизы. Искажения, иррациональные действия и узкие групповые интересы находят место в обоих контекстах» [21, р. 9].

Поскольку решение экополитических проблем в рамках посреднического подхода предполагает веру в рациональность различающихся ценностей и претензий, вопрос об объективном уровне риска больше не поднимается, и соответственно гносеологический подход заменяется конструктивистским. По словам Б. Фишхоффа, «хотя риски существуют в реальности, никто не знает, каковы они. Все, что

кому-либо известно о риске, можно отнести к восприятию» [13]. Та же позиция характерна для представителей культурной теории М. Дуглас и А. Вилдавски. Эта теория не подтверждает и не опровергает информации о росте экологических рисков, вызванных применением естественнонаучного знания. Вопрос заключается в другом: почему при одном и том же уровне риска одни социальные группы склонны выражать обеспокоенность экологическими проблемами, в то время как другие, в частности экспертные группы ученых, не ощущают опасности; иными словами, каким образом конструируется экологический риск.

Нельзя сказать, что все исследователи, работающие в рамках посреднического подхода, разделяют одно и то же мнение о характеристиках населения, обеспокоенного рисками. Общим, пожалуй, является только то, что обеспокоенные экологическими рисками люди рассматриваются как отличающиеся от массы населения по своим ценностным установкам или особенностям образа жизни. В этом отношении интересно сравнить оценки культурной теории и теории локального знания.

С точки зрения культурной теории проблема заключается не в реальности экологических рисков, а в том, что они конструируются радикальными маргинальными общественными группами, использующими их для культурной и символической борьбы против господствующих ценностей [12]. Успех этих групп становится возможным по причине излишней мягкости и толерантности ключевых общественных институтов. Группы, обеспокоенные проблемами окружающей среды, занимают по отношению к экспертным группам, в частности к науке, то же положение, что и секты по отношению к католической церкви (здесь необходимо отметить глубокую симпатию М. Дуглас к институту церкви и столь же глубокую антипатию к неформальным и неинституциональным сектам).

Те же группы обеспокоенных риском людей оцениваются теорией локального знания противоположным образом. Беспокойство — это реакция на то, что их цели и ценности не учитываются наукой, а предлагаемые научные решения неадекватны их жизненным обстоятельствам. Исследователи Лидского университета (Лейтон, Дженкинс, Макгил, Дейви [18]) приходят к следующему выводу: «[Научное] знание создавалось, проверялось и стандартизировалось [научным] сообществом, основной мотивацией которого было любопытство относительно природного мира, а глобальной целью — обобщенное понимание. [Люди, затронутые проблемой] нуждаются в знании, которое связано с их представлениями о том, что нужно делать в краткосрочной перспективе, немедленно и именно в их положении» [18, p. 45].

Сторонники теории локального знания рассматривают научное знание как ресурс практического разрешения экологической проблемы,

хотя обнаруживают, что обычно оно не удовлетворяет этому требованию. Например, они делают вывод, что «взрослые испытывают трудности в том, чтобы связать доступные им научные объяснения с проблемой в том виде, какой они ее конструируют» [18, р. 124]. Иллюстрации этого тезиса содержатся во всех выполненных авторами кейс-стади, посвященных экологическим проблемам: точка зрения специалистов по отоплению относительно сохранения энергии отличается от позиции пожилых людей, для которых отопление обладает символической значимостью как источник комфорта, безопасности и благополучия; научная информация о безопасности ядерной энергии не соответствует потребностям жителей, ставших свидетелями строительства атомной станции и т. д.

При всех различиях в отношении к населению, причина обеспокоенности рисками в рамках посреднического подхода описывается разными исследователями-социологами сходным образом, а именно как плохо налаженная связь между наукой и отдельными социальными группами, будь то неспособность экспертных систем контролировать группы маргиналов в культурной теории или же несоответствие научного знания целям населения в теории локального знания.

Такому представлению о проблеме соответствует экополитика, направленная на налаживание двустороннего процесса коммуникации. Ключевой вопрос состоит в том, чтобы, критически сравнив конфликтующие притязания и лежащие в их основе различные ценности, прийти к решениям, касающимся контроля над риском и технологиями. Например, Б. Фишхофф предлагает сосредоточить основные усилия на включении населения в обсуждение экологических проблем. Этот процесс должен строиться на взаимном обучении населения и экспертов и их взаимоуважении [14]. Кроме того, в рамках посреднического подхода гораздо меньшее значение придается СМИ, которым директивный подход приписывает ключевую роль в распространении информации. Напротив, подчеркивается значение неформальных и ситуативных информационных источников.

Несмотря на то, что в отношении вопросов истины позиции ученых и простых людей в какой-то степени выравниваются (по крайней мере, исследователи признают, что иногда местное население может обладать информацией, которой нет у экспертов, см., например, работу Фишхоффа [14]), в вопросах принятия решений, связанных с экологическим риском, населению отводится в лучшем случае совещательная роль.

Оценивая посреднический подход, Бредберри пишет, что он позволяет преодолеть ограниченность директивного подхода, перейти от информирования к диалогу, привлечь внимание к контексту, в котором происходит коммуникация, учесть не только явный обмен информацией, но и подразумеваемые участниками коммуникации

смыслы. В результате социальные ученые освобождаются от подчиненной роли. «Таким образом, — заключает Бредберри, — культурный подход открывает пути для использования знания, производимого социальными науками, не только в инструментальных, но также в критических и практических целях» [9, p. 393].

Видимо, это все же слишком оптимистичный взгляд на перспективы участия социальных наук в экополитике. Выдвигаемые авторами подхода предложения об участии общественности в вопросах, связанных с экологическим риском, скорее находятся в сфере должного, чем сущего, детальных примеров практического применения данной модели не так много, а эмпирические исследования продолжают фиксировать распространенность дефицитной модели. Кроме того, посреднический подход обнаруживает свою слабость, не генерируя самостоятельной критики в адрес «большой науки» и не предлагая путей управления рисками.

Интерактивный подход

Отличительная черта интерактивного подхода — генерализация и радикализация критики института «большой науки». По мнению основоположников этого подхода У. Бека и Э. Гидденса, современная наука, руководствующаяся принципами, выработанными еще в эпоху Просвещения, представляет опасность для людей и природы. Население все в большей степени осознает этот факт и реагирует на него массовой обеспокоенностью проблемами окружающей среды, ростом критицизма в адрес науки и онтологического беспокойства.

Оценка участия науки в создании и росте рисков (так называемых «познавательных шлюзов» для рисков) стало отправной точкой для многих десятков исследований по проблемам экополитики во всем мире [3, 5, 6, 20, 22]. Идеи Бека легли в основу работ, акцентирующих изменение роли социальной теории в сторону солидаризации с населением и прямой конфронтации с естественными науками. Например, во введении к сборнику, посвященному современным исследованиям по социологии риска, авторы открыто утверждают, что «язык риска не таков, чтобы легко приспособиться к языку несправедливости» [4, p. 1] и видят свою задачу в создании теории, по своему мобилизующему потенциалу сравнимой с марксизмом или феминизмом. Исследователи отказываются от принципа этической нейтральности, принятого директивным и посредническим подходом, беря на себя не только исследовательские, но и политические задачи: «Хотя есть очевидные причины для предпочтения более ограниченной, инструментальной роли социальной теории, большинство авторов в этом сборнике отдают предпочтение более широкой роли. В обществе риска... даже наиболее ограниченная и умеренно-объективистская оценка последствий риска включает скрытые политику, этику и мораль. Это не

означает, что мы видим роль социальной теории в укреплении морали; это значит, что в каждом случае “обращения к терминам” и “придания смысла” мы сталкиваемся с решением о том, признавать или игнорировать этико-политические последствия» [1, p. 1].

Критическое и часто негативное отношение к естественнонаучным познавательным практикам со стороны социальной теории связано с несоответствием между масштабами последствий применения научного знания и имеющимися механизмами для контроля над ними. Бек указывает на неустранимое внутреннее противоречие, определяющее статус «большой науки» в эпоху рефлексивного модерна: ученые учатся на своих ошибках, и в то же время цена этих ошибок очень высока, а последствия непредсказуемы; поэтому такие ошибки становятся недопустимыми и неизбежными в одно и то же время. В обществе риска ошибки, — пишет Бек, — это утеkanie радиоактивного вещества из реактора, рождение изуродованных детей и смерть людей от вируса бешенства. Ученые больше не могут делать ошибок, но они допускают их, и сильнее, чем когда-либо, это отражается на них самих [7].

Бек описывает несколько механизмов контроля над результатами применения научного знания, которые были эффективными раньше, но в настоящее время участвуют в углублении рисков. Один из самых очевидных механизмов такого рода — сговор с группами, обладающими властью (государством, технбюрократией и т. д.) и материально заинтересованными в рискованных технологиях, — хотя и не отрицается Беком, но практически не обсуждается. Его в большей степени интересуют механизмы производства рисков, связанные с внутренними правилами и ограничениями научной рациональности. Например, механизм, который Бек называет «взвинчиванием стандартов научности». Множественность причин современных глобальных рисков и невозможность изучать их изолированно приводит к тому, что возможные причины их возникновения не рассматриваются как достаточные основания для изменений. «Ученые настаивают на “добротности” своей работы, держат на высоком уровне теоретико-методические стандарты... Именно отсюда вытекает своеобразная антилогика обращения с рисками. Умение настаивать на недоказанности причинных взаимосвязей вполне приличествует ученому и даже достойно похвалы. ...Если на основании “неясного” толкования факта отрицается само наличие риска, то это означает, что необходимые контрмеры не будут приняты и опасность возрастет» [1, с. 75]. Взвинчивание стандартов научности сужает круг признанных, требующих активного вмешательства рисков; наука, таким образом, выдает рискам охранную грамоту, обеспечивая их накопление.

Второй «познавательный шлюз» для накопления рисков заключен в самой методике определения предельных величин, основанной

на принципе допустимой меры загрязнения, а не на предотвращении загрязнения вообще. Бек считает, что в основе каждого определения допустимой величины лежат, по меньшей мере, три ложных умозаключения. Во-первых, не учитывается кумулятивный эффект действия ядовитых веществ. Из области медицины известно, что медикаменты, взаимодействуя, теряют или накапливают свои свойства. Не лишено смысла предположить, что нечто подобное происходит и с многочисленными «частичными» отравлениями, допускаемыми предельными величинами. Во-вторых, ошибка происходит, когда результаты опытов над животными переносятся на человека. В-третьих, предельные величины определяются для человека вообще, а не для отдельных возрастных и профессиональных групп, хотя известно, что в зависимости от условий жизни и состояния здоровья люди по-разному переносят частичные отравления. Таким образом, предельные величины скорее выполняют функцию «символического обеззараживания» [1, с. 83], то есть политической легализации рисковенных производств, чем реального контроля над рисками.

Из-за того, что наука склонна значительно преуменьшать размеры рисков, Бек отдает предпочтение оценкам населения. Хотя, по его мнению, повседневное знание также не свободно от искажений и ошибок, только оно может способствовать реальному, а не символическому решению экологических проблем. Бек полагает, что солидарности людей, обеспокоенных рисками (или «солидарности страха», как он их называет) становятся новым политическим субъектом в современном обществе. Именно они, внеклассовые и вненациональные общности, должны сознательно и добровольно выбирать социально приемлемые технологии и определять порядок применения научных достижений на практике.

Гносеологический подход, разделяемый представителями интерактивного направления, можно обозначить как полуконструктивистский. С одной стороны, они говорят об экологических рисках как о реальных фактах, поскольку только это может обеспечить основание политической мобилизации вокруг экологических проблем. С другой — вопрос об истинных масштабах риска остается открытым. Отказывая в правоте ученым, обладающим специализированными знаниями и оборудованием, представители интерактивного подхода не могут признать объективным и истинным знание непрофессионалов, не обладающих ни тем, ни другим. Для этого пришлось бы детально описать ненаучные способы получения объективного знания, что пока не сделано (и не планируется) даже теорией локального знания. Логичный выход из этой ситуации — принятие конструктивистского подхода, но, как отмечалось, это значительно ослабит позицию сторонников данного подхода и, в общем, вернет обсуждение в русло проблемы различий в восприятии экологической опасности.

Представители интерактивного подхода предполагают, что риск может быть преодолен при помощи тех же демократических процедур, которые используются при решении других политических проблем. При этом и наука, и население должны предпринять ряд действий, чтобы встретиться для обсуждения экологических проблем как равные партнеры. Представители науки должны признать, что безоценочность и изменчивость научного знания делают его неприменимым в качестве инструмента принятия политических решений. В случаях конфликтов, связанных с риском, оно должно быть дополнительно обсуждением альтернатив и возможных последствий. «Урок общества риска, — пишет Бек, — заключается в том, что политика и мораль приобретают — должны приобрести! — приоритет над меняющимися научными заключениями» [7]. Адресаты и пользователи научных результатов, в свою очередь, получают шанс или даже принуждаются к тому, чтобы стать активными продуцентами знания, релевантного для политических решений.

В книге «Изобретение политического» Бек предлагает ряд принципов демократизации познавательной практики.

– Демонопользация экспертизы. Люди должны распрощаться с идеей о том, что управляющие и эксперты всегда знают точно или, по меньшей мере, точнее, что хорошо для каждого рядового человека.

– Анти-формализация. Круг участников процесса принятия решений должен быть расширен в соответствии с социальными стандартами релевантности.

– Создание частичной гласности. Переговоры между экспертами и теми, кто принимает решения за закрытыми дверями, должны трансформироваться в диалог между широким кругом агентов.

– Нормотворчество. Нормы этого процесса — модели обсуждения, протокол, дебаты, оценка интервью, формы голосования и одобрения — должны быть согласованы всеми участниками процесса обсуждения [8].

Практически эти принципы могут осуществляться, например, технологическими судами, которые гарантировали бы обсуждение возможных последствий технологических инноваций до принятия окончательных решений.

Еще одна необходимая, с точки зрения Бека, мера — это концентрация науки на «порождающем» контексте, то есть целостный подход к причинам экологических проблем, а не к их симптомам. Например, в области сельского хозяйства порочный круг, создаваемый химической обработкой земель, мог бы быть разорван поиском таких биологических способов борьбы с вредителями, которые не создают побочных эффектов в виде накопления ядов в пищевых продуктах, почве и грунтовых водах.

Интерактивный подход полностью выравнивает соотношение сил между населением и институтами научной экспертизы, отрицая превосходство научного знания над обыденным и в соответствии с этим предлагая разделить властные полномочия между общественностью и наукой. По мнению Бека, «большая наука» переживает своеобразную инверсию, переворот внутреннего и внешнего: внутреннее — решение об истине и познании — уходит вовне, а внешнее — «непредсказуемые» побочные последствия — становится постоянной внутренней проблемой самой научной работы.

В некоторых современных исследованиях, основанных на теории Бека, содержится еще более радикальная критика науки, обращенная уже на гуманитарные дисциплины. Например, по мнению Р. Мерфи, социальная теория сможет продуцировать мыслительные альтернативы «большой науке» только в том случае, если предварительно пересмотрит и обновит собственное содержание. «Хотя Бек очень критичен по отношению к институтам Первого модерна, в особенности же — к науке, он удивительно некритичен к социологии. Он пишет так, как если бы социология была единственной дисциплиной, превзошедшей ограниченные формы раннего модерна. Социология, созданная в обстоятельствах простой модернизации, игнорировала природу и тем самым делала свой вклад в нарастание экологических проблем, поддерживая современную идеологию, пренебрегающую природой» [20, р. 39]. Основной порок социологии заключается в том, что она исходит из представления о статичной, неизменной природе, в целом оказывающей минимальное воздействие на социальные отношения. В качестве примера воздействия природы на общество Мерфи указывает на ситуацию с антибиотиками, когда появление устойчивых к ним бактерий привело к изменениям в социальных (в частности — сексуальных) отношениях [20, р. 18].

Барьер между обществом и природой, социологией и биологией, о котором пишет Мерфи, появился вместе с классической социологией, отделив ее от более ранних натуралистических учений (например, от социал-дарвинизма). Тем не менее некоторые шаги по преодолению этого барьера уже делаются; например, Д. Фостер указывает на появление в последние годы «зеленых» версий марксистской, веберианской и интеракционистской теорий [15]. Основные черты описанных подходов представлены в таблице.

Заключение

Проблема взаимодействия науки и общества была и остается одной из центральных в западной социологии риска. За тридцатилетнюю историю исследований взгляд социальной теории на эту проблему претерпел значительные изменения. Первоначально, в рамках директивного подхода, социальные науки в союзе с естественными науками противопоставляли себя населению, видя свою основную

задачу в разъяснительной работе. При этом социальные науки использовали экспертные оценки естественнонаучного плана в качестве объективного измерителя риска и эталона для оценки обоснованности суждений непрофессионалов. Позже, с появлением посреднического подхода, когда авторитет естественных наук был несколько поколеблен, социальные науки предпочли выступать в роли посредников между представителями естественных наук и населения, пытаясь наладить диалог между ними. Наконец, представители интерактивного подхода демонстрируют достаточно радикальную позицию, выступая в союзе с общественностью против диктата естественных наук. К концу 1990-х годов критика естественных наук была дополнена самокритикой и попытками пересмотра некоторых базовых социологических принципов. На настоящий момент все три подхода сохранили автономию и продолжают развиваться независимо друг от друга.

Эта дискуссия, изначально возникшая на пересечении социологии и политики, все более явно демонстрирует перевес политики. Социологи, занимающиеся вопросами управления рисками, стали известными не столько как ученые, сколько как общественные деятели (например, Бек — постоянный обозреватель известного еженедельника, Гидденс — бывший советник Т. Блэра). Социальные науки, выходя на поле политики, принуждают «большую науку» также покинуть пределы лабораторий и учебных аудиторий и встретиться с общественным мнением лицом к лицу. Директивный подход достиг своих целей, обучив население языку науки. По-видимому, западная общественность знает о научных проблемах почти все, что может быть понято людьми без профессионального образования. Следующий шаг навстречу должны сделать ученые, приняв в качестве дополнительных принципов научной работы принципы правовой демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Вилдавски А., Дейк К. Теория восприятия риска: кто боится, чего и почему? // THESIS. 1994. № 5. С. 268–276.
3. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Институт социологии РАН, 2003.
4. Adam B., Loon J. Introduction: Repositioning risk; the challenge for social theory // *The risk society and beyond*. London: Sage Publications, 2000. P. 1-31.
5. Ali S. The search for a landfill site in the risk society // *The Canadian Review of Sociology and Anthropology*. 1999. February.
6. Beamish T.B. Environmental hazard and institutional betrayal // *Organization & Environment*. 2001. March.
7. Beck U. Politics of risk society // *The politics of risk society* / Ed. by J. Franklin. Cambridge: Polity Press, 1998.
8. Beck U. The reinvention of politics: Toward a theory of reflexive modernization // Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetic in the modern social order*. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 1-55.

9. *Bradburry J.* The policy implications of differing concepts of risk // *Science, Technology and Human Values*. 1989. Vol. 14. No. 4. P. 380-399.
10. *Covello V., Sadman P., Slovic P.* Risk communication, risk statistics, and risk comparisons: A manual for plant managers. Washington: Chemical Manufacturers Association, 1988.
11. *Dake K.* Myths of nature: Culture and social construction of risk // *Journal of Social Issues*. 1992. Vol. 48. No. 4. P. 21-37.
12. *Douglas M., Wildavsky A.* Risk and culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley: University of California Press, 1982.
13. *Fischhoff B., Lichtenstein S., Slovic P.* Acceptable risk. New York: Cambridge University Press, 1981.
14. *Fischhoff B., Slovic P., Lichtenstein S.* The public vs. "the experts" // *The analysis actual vs. perceived risks* / Ed. by V. Covello, W. Flamm, J. Rodricks. New York: Plenum, 1983.
15. *Foster J.B.* Marx's theory of metabolic rift: Classical foundations for environmental sociology // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105. Issue 2. P. 366-405.
16. *Irwin A.* Science and its publics: Continuity and change in the risk society // *Social Studies of Science*. 1994. Vol. 24. P. 168-184.
17. *Johnson B.* Advancing understanding of knowledge's role in lay risk perception // *Sociological Abstracts Delivery*. SA accession number 92S26088. [online] <<http://www.fplc.edu/RISK/vol7/fall/.johnson.htm>> Date of access: 17.07.2002
18. *Layton A., Jenkins E., Macgill S., Davey A.* Inarticulate Science? Perspectives on the public understanding of science and some implications for science education. Driffield: Studies in Education Ltd, 1993.
19. *Lupton D.* Risk. London: Routledge, 1999.
20. *Murphy R.* Sociology and nature. Colorado: Westview Press, 1997.
21. *Plough A., Krimsky S.* The emergence of risk communication studies: Social and political context // *Science, Technology and Human Values*. 1987. No. 12. P. 4-10.
22. *Rinkevicius L.* Public risk perceptions in a "double-risk" society: The case of the Ignalina nuclear power plant in Lithuania. *Innovation* // Abingdon. 2000. September.
23. *Rogers E., Kincaid D.* Communication networks: Toward the new paradigm for research. New York: Free Press, 1981.
24. *Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S.* Facts and fears: Understanding perceived risk // *Societal risk assessment: How safe is safe enough?* / Ed. by R. Schwing, B. Albers New York: Plenum, 1980. P. 181-213.
25. *Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S.* Perceived risk: Psychological factors and social implications // *The assessment and perceptions of risk* / Ed. by F. Warner, D. Slater. London: Royal Society, 1981.
26. *Slovic P., Fischhoff B., Lichtenstein S.* Rating the risk // *Environment*. 1979. No. 21(3). P. 14-39.
27. *Wynne B.* Misunderstood misunderstanding: Social identities and the public uptake of science // *Public Understanding of Science*. 1992. Vol. 1(3). P. 281-304.
28. *Wynne B.* Technology, risk and participation // *Society, technology and risk assessment* / Ed. by J. Conrad. New York: Academic Press, 1980. P. 173-208.

Таблица

Основные черты директивного, посреднического и интерактивного подходов

Основания для сравнения	Директивный подход	Посреднический подход	Интерактивный подход
Роль социальных наук	Инструментальная: конструировать порядок и контроль	Посредническая: способствовать социокультурному взаимопониманию	Критическая, мобилизующая: менять парадигму социального знания, создавать основу для критики и диалога Фактор создания и роста рисков
Отношение к естественным наукам	Двигатель прогресса и фактор общественного благополучия	Ключевой общественный институт, влиятельная экспертная система	
Отношение к населению, обеспокоенному рисками	Невежественная и недифференцированная масса	Маргинальные группы, по разным причинам не разделяющие господствующие в обществе ценности	Новый политический субъект (социальный актор)
Понимание риска	Существует или не существует в зависимости от мнения ученых	Конструируется как учеными, так и населением	Существует или не существует в зависимости от мнения населения
Гносеологический подход	Реалистический: риск — объективная опасность, которая может быть определена независимо от социальных и культурных процессов. Возможны искажения, вызванные социокультурными интерпретациями	Конструктивистский: объективное существование риска не исследуется. Восприятие риска опосредуется социальными, культурными и политическими процессами, изучение риска невозможно в отрыве от них	Полуконструктивистский: риск — объективная опасность. Уровень риска может завышаться или занижаться заинтересованными в этом политическими силами, в особенности представителями науки
Предлагаемый подход к преодолению риска	Информирование населения	Политика, учитывающая культурные различия и особенности образа жизни	Реформа института науки. Переговоры и консенсус между учеными и населением
Причина обеспокоенности рисками	Недостаточная информированность или слабое понимание научного решения проблемы	Утрата контроля базовыми общественными институтами, их несоответствие целям населения	Кризис институтов индустриального общества, их неспособность справиться с новыми задачами
Соотношение сил населения и представителей естественных наук	Перевес науки в отношении вопросов истины. Перевес науки в отношении влияния на принятие решений	Равное соотношение сил в вопросах истины. Перевес науки в отношении влияния на принятие решений	Равное соотношение сил в вопросах истины. Оно должно стать равным в отношении влияния на принятие решений
Общекультурное (идеологическое) основание	Просвещение и сциентизм	Конструктивизм	Идеология правовой демократии

